

ИСТОРИЯ

УДК 94 (470)

Д.А. Бакинт

«БЕЗДЕЯТЕЛЬНЫЙ ЖАНДАРМ»: К БИОГРАФИИ В.Н. РУССИЯНОВА (В ДОПОЛНЕНИЕ К ДОКЛАДУ С.П. ЗВЯГИНА)

Обобщаются биографические сведения о В.Н. Руссиянове, бывшем офицере императорской жандармерии и контрразведки А.В. Колчака. Он наиболее вероятный автор подложного документа, известного как «письмо Еремина», якобы подтверждающего миф о сотрудничестве И.В. Сталина с органами политического сыска до революции. На основании разобренных сведений и выявленных неопубликованных документов дается последовательная хронология основных вех биографии Руссиянова, анализируется его служебная деятельность как офицера охранных структур, приводятся различные оценки современниками. Был сделан вывод о том, что В.Н. Руссиянов не являлся профессионалом политического сыска, убежденным сторонником монархии или противником советской власти. Показано, что на всем протяжении его карьеры и эмиграции он преследовал корыстные цели.

Ключевые слова: Отдельный корпус жандармов; Руссиянов; милиция Белой Сибири; Енисейская губерния; политический сыск.

12–13 ноября 2014 г. в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (ГИАОО, г. Омск) проходила Всероссийская научно-практическая конференция «Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие». На мероприятии авторитетным исследователем правоохранительных органов сибирских антибольшевистских режимов С.П. Звягиным был сделан доклад, посвященный вновь выявленным архивным материалам о Викторе Николаевиче Руссиянове – сотруднике императорской жандармерии (1910–1917 гг.) и Департамента милиции МВД на территории Белой Сибири (1918–1920 гг.) [1]. К сожалению, принять личное участие в дискуссии не удалось, поэтому надеемся ее продолжить в настоящей статье и дополнить доклад новыми сведениями.

Актуальность сделанного доклада не вызывает сомнений. В.Н. Руссиянов – историческая личность, которая интересует историков императорской политической полиции, правоохранительных структур «белых» режимов и биографии И.В. Сталина (Джугашвили). В связи с вопросом о возможной принадлежности последнего к числу секретных осведомителей «охранки» до революции бывший жандармский офицер стал интересен широкому кругу исследователей.

В нашей стране с 1980-х гг. (а за рубежом – с 1950-х гг.) активно обсуждался один из громких подлогов XX в. – так называемое письмо Еремина. Из его текста следует, что И.В. Сталин давал «ряд сведений» полиции. Сотрудник Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) З.И. Перегудова в публикациях доказывала, что данный документ является фальшивкой, и, более того, она прямо указывает на возможного автора-составителя документа – В.Н. Руссиянова [2. С. 264–277]. В своем докладе Сергей Павлович подверг сомнению эту версию [1. С. 55]. Не вдаваясь в полемику, отметим, что, на наш взгляд, система доказательств, приведенная Зинаидой Ивановной, исчерпывающая и убедительная.

Работ о биографии В.Н. Руссиянова относительно немного. Основной задел был сделан З.И. Перегудо-

вой в книге «Политический сыск России» (первое издание вышло в 2000 г.). Она изучила известные ей документы из фондов ГАРФ. Однако, возможно, в силу своих исследовательских приоритетов она задействовала в основном источники императорской полиции. Исследователь А.Н. Никитин охарактеризовал Руссиянова как наиболее яркую личность во всей колчаковской милиции [3. С. 35]. В 2012 г. под редакцией А.Л. Посадкова были опубликованы мемуары эмигранта-разведчика Г.И. Клерже, где во вступительной части и комментариях были приведены новые факты о разведывательной деятельности Руссиянова в Китае в период эмиграции [4. С. 59–61, 493]. В декабре 2014 г. на II Сибирском историческом форуме нами был сделан доклад о документах инспекторской проверки П.П. Заварзина жандармских подразделений Сибири, где акцентировались сведения о В.Н. Руссиянове, занимавшем в Енисейской губернии должность заведующего розыскным пунктом в Енисейске (1915–1917 гг.) [5]. Мемуарная работа самого жандармского офицера, которая хранится в архиве Гугеровского института при Стэнфордском университете, использовалась только И. Лохлэном [6].

В.Н. Руссиянов родился 30 декабря 1879 г. (по юлианскому календарю) в семье потомственных дворян Черниговской губернии (в протоколе допроса в марте 1917 г. указано 31 декабря 1879 г. [7. Л. 7 об.]), окончил Московское казенное реальное и Московское («Алексеевское») военное училище по 1-му разряду. Как отметили З.И. Перегудова и С.П. Звягин, он находился на военной службе с 11 сентября 1899 г. [1. С. 52; 2. С. 274], но, уточним, что это была дата его официального зачисления в военное училище, тогда как строевая служба для Руссиянова началась с присвоением первого офицерского чина и откомандированием в 140-й Зарайский пехотный полк 9 августа 1900 г. [8. С. 682]. В армии для кадровых военных всегда срок службы исчислялся с момента поступления в военно-учебное заведение, т.е. окончив училище, молодой подпоручик / корнет имел 2 года выслуги лет. Также и ныне: лейтенант имеет 5 лет, только что прийдя из военного вуза.

В 1903 г. он был переведен в 3-й Перновский гренадерский Короля Фридриха-Вильгельма IV полк, а в 1904–1906 гг. отправлен на фронт Русско-японской войны в составе отряда генерала П.К. фон Ренненкампа [7. Л. 7 об.]. Таким образом, В.Н. Руссиянов принимал участие в боевых действиях и процессе восстановления порядка на Транссибирской железной дороге после войны.

В 1907 г. В.Н. Руссиянова, согласно его показаниям, направляют в «Интендантскую академию», в которой он учился до 1909 г. [7. Л. 7 об.]. Однако до 1911 г. это была не академия, а Интендантские курсы с трехлетним сроком обучения. С.П. Звягин в своем докладе не упомянул данный факт биографии. В то же время В.Г. Хандорин ошибочно указал на то, что В.Н. Руссиянов «до революции служил в армейском интендантстве и только после создания Департамента милиции по собственному желанию перешёл туда» [9. С. 61]. Именно во время пребывания в столице сменил род войск: «...я ознакомился с интендантской службой, и она мне не понравилась. В полк возвращаться я не хотел, ввиду слишком малого содержания, да к тому же в Академии я женился» [7. Л. 7 об.]. Вследствие этих причин В.Н. Руссиянов добился перевода в Отдельный корпус жандармов (ОКЖ), вступительные испытания и курсы которого также проводились в Санкт-Петербурге. В жандармерию он перевелся в чине штабс-ротмистра (присвоен в 1908 г.) 28 марта 1910 г. [8. С. 682]. По его признанию, главным фактором была поддержка со стороны старшего адъютанта штаба Корпуса полковника С.В. Савицкого [7. Л. 7 об.]. Протекция в процессе зачисления офицера в ОКЖ не являлась чем-то исключительным [10. Т. 1. С. 46.; 11. С. 483–485; 12. Р. 51].

В.Н. Руссиянов последовательно проходил необходимые для службы должностные ступени: адъютанта (г. Владимир, 1910–1913 гг.), помощника начальника управления (Пермская губерния, 1913–1915 гг.), начальника Вологодского отделения железнодорожной жандармерии (август–сентябрь 1915 гг.) [1. С. 52; 8. С. 682]. В своих показаниях он сообщал, что, будучи формально на должности во Владимирской губернии, выполнял обязанности коменданта Марфо-Мариинской обители Милосердия в 1910–1912 гг., основанной великой княгиней Елизаветой Федоровной в 1909 г. в память о ее убитом муже [7. Л. 7 об.]. По его словам, он имел задание наблюдать за опальным монахом Илиодором (Труфановым), которого по решению Синода заточили во Флорищеву пустынь (Владимирская губерния) [Там же] в 1912 г. [13]. Помимо этих специальных заданий В.Н. Руссиянов в Пермской губернии был избран в районный офицерский «суд чести», организованный в числе подобных по всей империи для жандармских чинов по инициативе товарища министра МВД В.Ф. Джунковского в 1914 г. [14].

Список наград, которые приводит С.П. Звягин на 23 сентября 1917 г., больше, чем в официальном списке жандармов, составленном на июль 1915 г. Так, помимо ордена Св. Станислава 3-й степени (30 июля 1913 г.) указаны «высочайший подарок» (портсигар с

изображением герба Российской империи с сапфиром, 30 июля 1913 г.) и ордена Св. Анны 3-й степени (6 декабря 1915 г.) и Св. Станислава 2-й степени (6 декабря 1916 г.) [1. С. 52]. Факты присвоения этих орденов подтверждаются приказами по Енисейскому губернскому жандармскому управлению [15. Л. 1]. Высочайшие подарки назначались во время следований членов императорской династии. Портсигар был подарен Руссиянову во время его начальства в железнодорожном отделении и, скорее всего, по случаю следования одного из великих князей (или княжон) по железной дороге, а не за секретные операции.

Такое количество наград не подтверждает способностей В.Н. Руссиянова к политическому розыску. Будучи назначенным в 1915 г. начальником розыскного пункта в г. Енисейск Енисейской губернии, он не проявил необходимой для жандармского офицера служебной инициативы. Хотя сибирская пресса сообщала о массовых арестах и обысках, производимых енисейским ротмистром [16, 17], прямой надзор за производством дела в июне 1916 г. осуществлял начальник Енисейского губернского жандармского управления М.С. Байков [18. Л. 23]. О неспособности В.Н. Руссиянова к самостоятельной оперативной работе свидетельствовал П.П. Заварзин, инспектировавший жандармские управления Сибири в декабре 1916 г.: «его [В.Н. Руссиянова] страшно угнетает жизнь в суровом климате маленького уездного городка, отдаленного от Управления, без постоянного и непосредственного руководства которого Ротмистр Руссиянов работать не может. Полагаю, было бы желательно пока перевести Ротмистра Руссиянова в Красноярск, где он мог бы подучиться и принести пользу» [19. Л. 138]. Факт поездок с просьбой о переводе в губернский центр подтверждают и материалы делопроизводства жандармского управления [7. Л. 3]. Поэтому считаем, что даже наличие постановлений об арестах и обысках, подписанных рукой начальника Енисейского розыскного пункта, не могло служить свидетельством его самостоятельности [20. Л. 51–52 об., 62–63 об.].

Развитие сети агентурных осведомителей, одно из главных направлений деятельности органов императорской тайной полиции, в Енисейске прекратилось из-за некомпетентности В.Н. Руссиянова. Так, если при его предшественнике В.Ф. Железнякове (организовал и возглавлял розыскной пункт в 1912–1915 гг.) максимальное число сотрудников доходило до восьми [21. Л. 87], то в декабре 1916 г. их осталось всего двое [22. Л. 227 об.] – служащие местной почтовой конторы, перлюстрирующие корреспонденцию.

П.П. Заварзин оценивал это следующим образом: «Заведующий Енисейским розыскным пунктом Ротмистр [В.Н.] Руссиянов доложил мне, что агентуры у него нет и что приобретение ее настолько затруднительно, что, несмотря на все принимаемые им меры, ему не удалось заагентурить ни одного человека. Указав Ротмистру [В.Н.] Руссиянову на способы приобретения агентуры, я, тем не менее, прихожу к заключению, что он навряд ли будет в состоянии сделать что-либо самостоятельно, как малоопытный офицер, а по

натуре флегматичный и малопредприимчивый» [19. Л. 138].

Инспектор в мемуарах описывал свое путешествие, и в них мы не видим, чтобы он прибыл в Енисейск: маршрут строился строго вдоль Транссибирской магистрали [10. Т. 2. С. 7–140]. Документы о служебных перемещениях свидетельствуют, что В.Н. Руссиянов 5 декабря 1916 г. приезжал для доклада в Красноярск [18. Л. 55]. Только после отбытия П.П. Заварзина в феврале 1917 г. Руссиянову все же удалось завербовать своего первого и последнего секретного сотрудника в Енисейской губернии Н.М. Вайнберга, административно высланного в 1914 г. мещанина Бессарабской губернии [23. Л. 1].

Ранее, в 1916 г., В.Н. Руссиянов связался с бывшим осведомителем С.И. Базаровым («Таежная мошка»; прил. 1). Однако, по показаниям их обоих, они не контактировали друг с другом лично: информация проходила через жандармского унтер-офицера Дуракова [7. Л. 8], а вознаграждение высылалось на адрес его кредитного товарищества на некоего Михайловского [24. Л. 23]. Единственное дело, которое сопровождалось информацией «Таежной мошки», было расследование деятельности кассы взаимопомощи в с. Ялань Енисейской губернии, которым руководил ротмистр Л.А. Оболенский (помощник начальника Енисейского губернского жандармского управления в 1913–1917 гг.) [19. Л. 35]. В МВД смогли отреагировать на ситуацию в Енисейском розыском пункте только 28 февраля 1917 г., когда в Петрограде шли уличные бои: письмо вице-директора Департамента М.Е. Броецкого, скрепленное начальником Особого отдела А.Т. Васильевым, предписывало красноярскому руководству вновь наладить агентурную сеть [Там же. Л. 190–191 об.]. Поэтому слова Руссиянова, написанные в неизданном труде «Работа охранных отделений в России» о том, что офицеры охраны ежедневно «слушали доклады бесчисленных шпионов и разведчиков, непрерывно арестовывали, вешали и депортировали, увеличивая бездонную человеческую подлость, количество крови и слёз, и подкрепляемые ежегодно десятком миллионов рублей [из секретного фонда]» [6. Р. 49], не основывались на опыте.

Более того, В.Н. Руссиянов, в силу отсутствия желания и способностей к оперативной работе, не мог оценить значения технических нововведений. Так, В.Ф. Железняков при организации розыского пункта позаботился о приобретении бельгийского фотоаппарата «Бертильон» в 1912 г. [25. Л. 22, 45] и стажировке унтер-офицера Г.Н. Ерошенко при Томском сыском отделении по изучению техники криминалистической фотографии, регистрации по словесному портрету, дактилоскопии и антропометрии в 1914 г. [21. Л. 113]. В Енисейске был сформирован большой фотоархив, где запечатлевались не только перехваченные письма и «государственные преступники», но и местные жители, ландшафт, вещественные доказательства. Все это полковник М.С. Байков после отъезда В.Ф. Железнякова признал излишним «увлечением» и приказал Руссиянову уничтожить негативы, что тот беспрепятственно и совершил [7. Л. 116 об.]. Кроме этого, он пе-

редал из Енисейска в Красноярск мимеограф, тоже оставшийся от предшественника [21. Л. 120].

Непосредственно перед революцией В.Н. Руссиянов на фоне общего ослабления власти на себе ощущал давление со стороны общественности уездного города. Так, 26 января 1917 г. в Петроград сообщалось, что его отказывались обслуживать в нескольких лавках потребительской кооперации [26. Л. 7]. Поэтому поведение Руссиянова в дни Февральской революции было вполне объяснимо: он пытался, с одной стороны, уничтожить бумаги, которые могли его скомпрометировать (по сообщению Б.И. Николаевского, Руссиянова при аресте застали за этим занятием в кабинете [27. С. 342]); с другой – не препятствовал развитию революционных событий. Текст его письма новой власти с целью оправдания считаем целесообразным привести полностью (см. приложение 1). В.Н. Руссиянова, вместе с главой уездной полиции и начальником почтово-телеграфной конторы, подвергли тюремному заключению с 3 марта 1917 г. [28. С. 13; 29].

После Февральской революции часто проводились импровизированные суды над бывшими сотрудниками правоохранительных структур предшествующего режима. Доказательную базу собирали специальные комиссии при органах Временного правительства. После этого офицеров отпускали, если не было доказательств их вины в «провокации». Так, 22 апреля 1917 г. бывший член подобной следственной комиссии г. Енисейск И.Н. Евстратов составил «особое мнение», где Руссиянову была дана характеристика «бездеятельного жандарма» [7. Л. 16–16 об.]. В тюрьме он подал прошение на имя военного министра об отправке на фронт. После его освобождения весной 1917 г. В.Н. Руссиянов убыл в 255-й Аккерманский полк [1. С. 51], где получил чин подполковника [Там же; 2. С. 274].

Состояние здоровья В.Н. Руссиянова, которое отражено в приведенных С.П. Звягиным документах, скорее всего, было следствием пребывания в зоне боевых действий: осенью 1918 г. у него были обнаружены: близорукость, которая, скорее, была приобретена в ходе обычной «офисной» работы, полная глухота на левое ухо и пониженная слышимость правого уха [1. С. 52]. Снижение слуха – следствие контузии или невылеченного воспалительного процесса, П.П. Заварзин не отмечал таких качеств при личном знакомстве с ним в декабре 1916 г., тогда как в докладе отдельно была подчеркнута глухота его коллеги по жандармскому управлению Л.А. Оболенского [19. Л. 138].

В Белой Сибири активнее привлекали на свою службу бывших офицеров жандармерии и контрразведки, чем подобные режимы в других регионах бывшей Российской империи [30. С. 209]. З.И. Перегудова указывала, что В.Н. Руссиянов был принят на службу в органы Департамента милиции МВД в чине полковника на должность начальника Акмолинского областного управления государственной охраны в 1919 г. [2. С. 274]. В ГИАОО на основании поиска документов, проведенного Д.И. Петиным, подтверждено наличие бумаг, подписанных В.Н. Руссияно-

вым как на этой должности, так и на посту уполномоченного МВД. Однако было указано отсутствие в фондах учреждения документов биографического характера (ответ на запрос от 13 марта 2014 г. № 01–28/418).

Ясность в вопросе биографии В.Н. Руссиянова во время Гражданской войны внес С.П. Звягин. Он установил хронологию, согласно которой бывший жандарм проходил лечение в Омском военном госпитале с 18 августа по 8 сентября 1918 г., затем был принят на службу 3 декабря 1918 г. (здесь и далее – по григорианскому календарю) в интендантском отделе Высшего Совета снабжения союзных армий, а уже 14 декабря он был назначен уполномоченным МВД 6-го класса [1. С. 53].

З.И. Перегудова на основании изучения документов органов милиции Белой Сибири сделала заключение, что В.Н. Руссиянов характеризовался как человек импульсивный, не отличавшийся скрупулезностью в выполнении дел, жестокостью по отношению к подчиненным [2. С. 274]. Действительно, в информационной сводке от 23 июня 1919 г. он критиковал офицеров колчаковских войск за «мягкость» и «сентиментальность» по отношению к солдатам [31. С. 85]. С.П. Звягин нашел свидетельства того, что В.Н. Руссиянов попадал под суд за «оскорбление словом», но был оправдан Омским военно-окружным судом 24 мая 1919 г. [1. С. 53]. П.А. Голуб также упоминал некий судебный процесс над Руссияновым и указывал на то, что он был организован на основании доноса полковника И. Зайчека (начальник военного контроля Сибирской армии А.В. Колчака до весны 1919 г.), а вступился за бывшего жандарма товарищ министра внутренних дел В.Н. Пепеляев (с мая 1919 г. – министр внутренних дел, а с ноября 1919 г. – председатель правительства А.В. Колчака) [32. С. 64]. Заметим, что С.П. Звягин в своем докладе приводит характеристику работы, которой занимался В.Н. Руссиянов в контрразведке, отмечая его профессионализм [1. С. 53]. Учитывая непрофессионализм В.Н. Руссиянова во время службы в ОКЖ, позволим высказать сомнение в позитивной оценке работы данного офицера. Кроме того, Сергей Павлович сам приводит примеры дел, оканчивавшихся без результата [Там же].

После отступления Сибирской армии под давлением сил Советской России В.Н. Руссиянов бежал на восток, успев поработать на режим атамана Г.М. Семенова [1. С. 54], где получил чин генерал-майора [4. С. 493]. Возможно этому поспособствовало то, что с конца 1919 по 1922 г. на руководящих постах политической полиции и контрразведки работал Л.А. Иванов (1873–1952), который был последним начальником В.Н. Руссиянова в императорской жандармерии (с ноября 1916 г. по февраль 1917 г. – исправляющий должность начальника Енисейского губернского жандармского управления) [33. С. 407]. Далее из Забайкалья он перебрался в Китай [2. С. 274]. В Мукдене бывший офицер ОКЖ работал на Г.И. Клерже, отставного офицера Генерального штаба, сотрудника разведки у А.В. Колчака и Г.М. Семенова. В Манчжурии Клерже стал сотрудничать с японской разведкой

(с 1926 г.). Интересно, что В.Н. Руссиянов руководил расследованием о его причастности к советской власти в 1919 г. [4. С. 59, 403].

Заданиями для Руссиянова были поимка Ф. Бородиной (жена М.М. Бородина – представителя Коминтерна при правительстве Гоминьдана и резидента советской разведки в Китае до 1927 г.), а после ее успешного бегства – выкрасть документы у адвоката Бородиной в Пекине [Там же. С. 60]. После последовательных провалов этих миссий В.Н. Руссиянов даже подозревался в сотрудничестве с советской разведкой. Однако, скорее всего, никакого сотрудничества не было. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в списках НКВД, составленных на бывших сотрудников полиции, он значился с перечислением только тех должностей, которые он занимал в ОКЖ (под № 10558) [34. С. 238]. Таким образом, в СССР не были осведомлены не только о подробностях биографии В.Н. Руссиянова, но и о том, что в 1940 г. его уже не было в живых. Бывший полицейский намеревался через Г.И. Клерже добиться от китайских властей согласия на формирование русского отделения китайской жандармерии, а затем возглавить его [4. С. 61]. Эти надежды рухнули при расторжении договоренностей между ним и Г.И. Клерже после провала миссии.

Именно в Китае, по версии З.И. Перегудовой, В.Н. Руссиянов изготовил фальшивку, касавшуюся И.В. Сталина («письмо Еремина»), и передал (возможно, за вознаграждение) эмигранту М.П. Головачеву [2. С. 265]. Закрытость архивов Особого отдела Департамента полиции до 1950-х гг. и слухи о полном его уничтожении в Февральскую революцию 1917 г. делали документы из этого учреждения ценными источниками. Подделка документов с целью их последующей продажи была распространенным явлением в эмигрантской среде (достаточно вспомнить историю «письма Зиновьева»). Поэтому вполне вероятно, что В.Н. Руссиянов также пошел на этот шаг (З.И. Перегудова организовала подчерковедческую экспертизу, которая подтвердила схожесть подписей псевдо-Еремина и Руссиянова [2. С. 275]). Однако публикация этого письма в журнале «Лайф» в 1956 г. (*Life*, США) и последовавший за этим громкий скандал произошли после его смерти.

Таким образом, объединив все имеющиеся сведения о биографии В.Н. Руссиянова, схематично воссоздается образ человека, который, наиболее вероятно, являлся автором одного из самых громких подлогов в XX в. Это не был талантливый и интеллектуальный борец с революционерами, одержимый идеей монархизма (какими были, например, С.В. Зубатов или А.И. Спиридович) или отъявленный авантюрист (наподобие М.С. Комиссарова). Некомпетентный офицер, пришедший в ОКЖ ради материальной выгоды, В.Н. Руссиянов во время Гражданской войны и эмиграции пытался выставить себя ассом тайной полиции, получая должности и звания. Опираясь на связи и покровительство начальства, в его действиях редко усматривалась инициатива. Возможно, как фронтовой офицер В.Н. Руссиянов проявил себя должным образом (хотя об этом практически нет сведений), но как поли-

цейский он не выделялся среди своих коллег. Его единственная большая инициатива – формирование подложного документа, которое было сделано с грубейшими ошибками и неточностями. Все это в сово-

купности дает представление не только о частной биографии конкретного человека, но и о состоянии личного офицерского состава ОКЖ и органов контрразведки антибольшевистских правительств Сибири.

Приложение 1

**Письмо ротмистра В.Н. Россиянова члену
Комитета общественной безопасности Енисейска Л.В. Асситу (рук., ориг.) [7. Л. 3–6]**

[г. Енисейск]
3 апреля 1917 г.

Милостивый Государь, Леонид Васильевич!

Жена мне передала, что Вы в разговоре ей сказали, что Вас затрудняет в моих дел[ах] то, что в делах вырваны страницы и нет никакого порядка. Я должен Вас ознакомить, поэтому, с положением дела.

Начиная с осени прошлого года я хлопотал перед своим начальством о переводе меня из г[орода] Енисейска и доказал им полную бесполезность держать здесь [жандармского] офицера. Мои поездки 14 ноября и 4 декабря [1916 г.] в г[ород] Красноярск увенчались успехом и с 1 января [1917 г.] я считался переведенным вместе с [розыскным] пунктом в г[ород] Красноярск, – временно же до пароходов мне разрешили остаться в Енисейске. О переводе моем и том, что я ездил хлопотать знают в городе все.

17 января [1917 г.] меня вызвали в Красноярск, где я с начальником [Енисейского губернского жандармского управления] подробно обсуждал вопрос о переводе и переводе дел и имущества [розыскного] пункта. Начальник приказал мне пересмотреть все дела и выбрать из них только то, что имело хоть какой-нибудь смысл, заодно привести в порядок по новой описи. Утерявшие значение дела [предполагалось] уничтожить, чтобы не перевозить хлама. По возвращению я и занялся этой работой. В делах Вы видели новую опись, мною составленную. Есть даже дела еще не сшитые, а только подготовленные к печатанью.

Я категорически заявляю, что я ни одной бумаги не уничтожил, да и не было к тому никакого смысла. Никаких государственно важных бумаг в моей захолустной канцелярии и не могло быть. Всякий знакомый с канцелярской работой скажет, что моя работа по составлению дел новой описи и приведение их в порядок – работа многих недель, приняв во внимание, что я занимался [этим] один, т[а]к к[а]к доверить эту работу полуграмотным жандармам я не мог, я рассчитал так, что не спеша, к Пасхе я ее окончил бы и только тогда уничтожил бы весь ненужный хлам. На пункте никаких серьезных дел не было и не могло быть. Разбираться в делах с точки зрения общественного интереса, не имеет никакого смысла, и Вы в этом убедитесь, когда окончите работу.

Сотрудников партийных я не имел. Был сотрудник «Таежная мошка», приобретенный еще в 1912 г. ротмистром [В.Ф.] Железняковым, но он давал сведения через Красноярск. Этот сотрудник (по газетным сведениям) арестован в Красноярске.

По цензуре работали два почтаря, которые состояли на службе [полиции] давно и не мною приобретались. Они передавали письма для просмотра, основываясь на известном циркуляре М[инистерства] В[нутренних] Дел, по которому я даже официально мог их заставить представлять мне письма нужных лиц. Так делали все начальники почтовых контор, без всякого напоминания, когда же не было одно время жандармского офицера в Енисейске, то почтари присылали корреспонденцию для просмотра [полицейскому] Исправнику. Вы в делах видели много отношений Исправника с препровождением писем.

Вы жене упомянули о том, что я задержал первую агентскую телеграмму [о революции]. Это глубокая неправда! Просмотр телеграмм и разрешение печати зависело всегда и только от Исправника. Помощник Исправника [В.Е.] Кошелёв получил телеграмму за подписью «[А.А.] Эйлер», – ни под каким видом не допускается печатание агентских телеграмм о начавшейся революции. Я самым решительным образом доказывал полную бесполезность такого требования и понуждал [В.Е.] Кошелёва и Волокитина немедленно отпечатать первую агентскую телеграмму о революции за нашими подписями, т[а]к к[а]к каждый из них боялся ответственности. В телеграмме [А.А.] Эйлера было сказано «не допускать печатание» – поэтому [В.Е.] Кошелёв наотрез отказался печатать.

В школе [А.А.] Баландина 3 марта [1917 г.], я уговорил кап[итана] Волокитина составить за своими подписями агентскую телеграмму, и мы пошли в классную комнату, тут же, в школе, составляли телеграмму. Не успели мы закончить, к[а]к прибежал [В.Е.] Кошелёв и объявил, что им получена телеграмма о разрешении печатать агентскую телеграмму. Остальное Вам известно. Эти телеграммы за подписями «[А.А.] Эйлер» Вы можете потребовать из Полицейского Управления [Енисейска] и убедитесь, что я к задержанию телеграмм никакого отношения не имел.

4 марта [1917 г.] было подготовлено заседание к выбору Исполнительного Комитета [Енисейска], на которое были приглашены [В.Е.] Кошелёв и Волокитин. После этого заседания они мне сообщили, что на заседании был поднят вопрос о моем немедленном выезде из города и советовали сейчас же выехать. Я с этим предложением не согласился, т[а]к к[а]к никакой вины за собой не знал и никаких противодействий новому порядку не собирался делать. Все же, о сделанном мне предложении, послал в тот же день шифрованную телеграмму, дословный текст которой Вы видели в делах. В этой телеграмме я писал, что в городе власть перешла в руки Исполнительного Комитета и, за бесполезностью жандармов, мне предложено выехать из города, и просил указаний, т[а]к к[а]к бросить дела, имущество и унтер-офицеров [розыскного пункта] на произвол судьбы я не имел ни нравственного, ни законного права. Посылку телеграммы, я думаю, никто не может мне поставить в вину и даже странно говорить об этом. А на заседании к[а]к раз и говорили о телеграмме, но, очевидно, в другой окраске, не оглашая ее дословного содержания, к[а]к Вы передали об этом моей жене. В ответе на эту телеграмму мне сообщили, что я должен исполнять приказы Министра внутренних дел [и] шефа жандармов князя [Г.Е.] Львова, следов[ательно], другими словами, – приказ оставаться в Енисейске. Эта ответная телеграмма имеется в деле.

Теперь о выставлении 3 марта [1917 г.], утром, войсковой охраны и патрулей, могу сказать, о том, что этим делом всецело распоряжался капитан Волокитин и, когда я увидел патрули, то немедленно с фельдфебелем Захаровым поехали к нему и просили снять патрули, доказав их полную бессмысленность. Кап[итан] Волокитин согласился, и тут же Захарову приказал патрули снять.

Никаких противодействий новому порядку я не оказывал а, наоборот, когда узнал, что [Б.И.] Николаевский выбран в Исполнительный К[омитет], то, получив телеграмму на свое имя от Прокурора [Иркутской] Судебной Палаты об амнистии

[политическим] заключенным, счел своим долгом отвести эту телеграмму [председателю Комитета общественной безопасности в Енисейске] [Б.И.] Николаевскому, и он попросил [В.Н.] Яковлева съездить со мной в тюрьму и исполнить телеграмму. Вот и все, что я могу сказать, не знаю, в чем еще Вы можете меня заподозрить. Я готов давать самые точные ответы, но сидеть в одиночном заключении – это чересчур большая пытка!

Я обращаюсь к Вам с покорной просьбой приехать в тюрьму и начать допрос, тогда Вы сами убедитесь в бесцельности моего ареста. Вам известна ответная телеграмма Военного Министра [А.И. Гучкова], а потому мое назначение в [действующую] армию зависит только от скорейшего моего освобождения, т[о] е[сть], от Вас.

В заключение, я могу смело сказать, что никто из политических высланных, в том числе и Вы, не можете меня в прошлом упрекнуть в какой-либо провокации или намеренном желании сделать какую-либо неприятность. За два года моего пребывания в Енисейске у меня [в производстве] было только два [уголовных] дела, по приказу из Красноярска. Одно – [Г.И.] Петровского и Гинзбурга, а второе «Яланское» – [неразборчиво]. Согласитесь, что имея полноту власти и желая отличиться, нельзя прийти к заключению по этим делам об интенсивной работе жандармского офицера.

В заключение, я еще раз очень прошу принять во внимание мое месячное одиночное [тюремное] заключение, сильно отразившиеся на моем душевном равновесии, а также [на] тягостную кошмарную жизнь моей одинокой жены, от которой отшатнулись все «добрые знакомые» и то, что я теперь лишен жалования, а потому освободите меня из тюрьмы, хотя бы под домашний арест. Заранее даю слово – никуда не отлучаться и не иметь ни с кем никаких отношений. Немедленным освобождением Вы дадите мне возможность ликвидировать свои дела и собраться к отъезду [на фронт].

Ротмистр [В.Н.] Руссиянов

ЛИТЕРАТУРА

1. Звягин С.П. Сотрудник государственной охраны на территории белой Сибири В.Н. Руссиянов // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2014 года) / под ред. канд. ист. наук Д.И. Петина. Омск : Амфора, 2015. С. 51–56.
2. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 519 с.
3. Никитин А.Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью : учеб. пособие. М. : Московский институт МВД, 1995. 77 с.
4. Клерже Г.И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания / отв. ред., авт. вступ. ст. и ком. А.Л. Посадков. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. 544 с.
5. Бакшт Д.А. Характеристика документов последней жандармской ревизии Енисейской губернии (октябрь – декабрь 1916 г.) // Социокультурное освоение Сибири : материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. Красноярск : Резонанс, 2014. С. 188–192.
6. Late Imperial Russia: Problems and Prospects: essays by honour of R.B. McKean / ed. I.D. Thautcher. Manchester : Manchester University Press, 2005. 219 p.
7. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 827. Оп. 3. Д. 119.
8. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 1 июля 1915 г. Пг. : Тип. Отдельного корпуса жандармов, 1915. 807 с.
9. Хандорин В. Государственная охрана адмирала Колчака // Родина. 2015. № 1. С. 60–62.
10. «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. ст., подготовка текста и ком. З.И. Перегудовой : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 1112 с.
11. Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX в. / сост. В.С. Измозик. СПб. : Изд. дом «Нева»; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 640 с.
12. Daly J. An Impossible Dream Becomes Reality: A.I. Spiridovich and the Personal Security of Nicolas II // The Historian. 2014. № 1. P. 50–71.
13. Русское слово (Москва). 1912, 1 февр.
14. Приказы по Отдельному корпусу жандармов. 1914 г. [СПб. : б.и., 1914]. Приказ от 20 января 1914 г. № 21 [Место хранения: Российская государственная библиотека].
15. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 105.
16. Сибирская жизнь (Томск). 1916. 3 мая.
17. Сибирская жизнь (Томск). 1916. 7 мая.
18. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 316 (1916 г.). Д. 245, ч. 25.
19. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316 (1915 г.). Д. 1, ч. 25–Д.
20. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 21.
21. ГАКК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 28.
22. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 98.
23. ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 147.
24. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 110.
25. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 28.
26. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 283.
27. Были ли Сталин агентом Охранки? Сборник статей материалов и документов / вступ. ст. Ю.Г. Фельштинского. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. 480 с.
28. Октябрь в Сибири. Хроника событий / отв. ред. И.М. Разгон, Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1987. 320 с.
29. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 16 марта.
30. Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М. : Вече, 2013. 320 с.
31. Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2001. С. 67–86.
32. Голуб П.А. В тюрьмах и концлагерях «Колчаки» // Диалог. 2003. № 8. С. 61–71.
33. Белая эмиграция в Китае и Монголии / сост., науч. ред., предисл. и ком. д-ра ист. наук С.В. Волкова. М. : Центрполиграф, 2005. 431 с.
34. Справочник-список офицерского и рядового состава, жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворянского коменданта и чинов Департамента полиции МВД царской России. М. : Главное архивное управление НКВД СССР, 1940. 323 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 октября 2015 г.

“A SLUGGISH GENDARME”: THE BIOGRAPHY OF V.N. RUSSIYANOV (IN ADDITION TO S.P. ZVYAGIN’S REPORT)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 25–32.

DOI: 10.17223/15617793/406/4

Baksh Dmītrii A. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: bakshd@mail.ru

Keywords: Special Corps of Gendarmes; Russiyanov; police; White Siberia; Yenisei Province; political spying.

The article is implemented as a continuation of V.P. Zvyagin’s report at the conference “The Civil War in the East of Russia: Objective View through the Documentary Heritage” (Omsk, 12–13 November 2014). In the article the biographical information about Victor Nicolaevich Russiyanov (1879–1936) is summarized. He was an officer of the Gendarmerie of the Russian Empire in 1910–1917 and of the Counterintelligence of A.V. Kolchak in 1918–1922. According to Z.I. Peregodova, Russiyanov was the author of a false document known as “Eremin’s Letter”, published in 1956. The false document was to confirm the cooperation of I.V. Stalin (a Soviet dictator from the 1920s to 1953) with the state bodies of political investigation before the Revolution of 1917. The article gives a coherent chronology of the main stages of V.N. Russiyanov’s biography, an analysis of his activities in security police, provides different estimates of his contemporaries. In the article the documents of the Yenisei Provincial Gendarmerie Department and its divisions, P.P. Zavarzin’s materials of inspection of Siberian special services (in October–December 1916), the Staff of the Corps of Gendarmes official orders, the materials of press and the NKVD (The People’s Commissariat of Internal Affairs) reference book (1940) were cited for the first time. The author of the article used information contained in the report of S.P. Zvyagin, Z.I. Peregodova’s monograph (2013) and a number of the sources published earlier. There is a full text of V.N. Russiyanov’s testimony manuscript made in the spring of 1917 as an annex to the article. During the research the author of the article revealed the circumstances of V.N. Russiyanov’s arrival to the Special Corps of Gendarmes; described the special mission of overseeing hieromonk Ilidor (Trufanov) in 1910–1912; his participation in the gendarmes’ “courts of honor” (from 1914) and Russiyanov’s role in the revolutionary events in Yeniseisk in 1917. The author of the article casts doubt on the version of V.N. Russiyanov’s contemporaries that he was a Soviet spy during the emigration in China after the Civil War in Russia. After analyzing his official biography in the secret services of different regimes the author made a conclusion that V.N. Russiyanov was not a professional in political investigation, a staunch supporter of the monarchy or enemy of the Soviet power. It has been shown that throughout his career and emigration after the Civil War only selfish goals moved him.

REFERENCES

1. Zvyagin, S.P. (2015) [V.N. Russiyanov, a employee of state protection in the territory of white Siberia]. *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: ob'ektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie* [The civil war in the east of Russia: objective view through the documentary heritage]. Proc. of scientific-practical conference. Omsk. November 12–13, 2014. Omsk: Amfora. pp. 51–56. (In Russian).
2. Peregodova, Z.I. (2013) *Politicheskii syzk Rossii (1880–1917)* [Political spying in Russia (1880–1917)]. 2nd ed. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
3. Nikitin, A.N. (1995) *Militsiya Rossiyskogo pravitel'stva Kolchaka i ee rol' v bor'be s obshcheugolovnoy i organizovannoy prestupnost'yu* [Militia of Kolchak's Russian government and its role in the fight against organized and general crime]. Moscow: Moscow Institute of Ministry of Internal Affairs.
4. Klerzhe, G.I. (2012) *Revolutsiya i Grazhdanskaya voyna: lichnye vospominaniya* [The Revolution and the Civil War: personal memories]. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
5. Baksh, D.A. (2014) [Characteristics of the documents of the last gendarmerie revision of Yenisei Province (October – December 1916)]. *Sotsiokul'turnoe osvoenie Sibiri* [Socio-cultural development of Siberia]. Materials of the Siberian history forum. Krasnoyarsk. 2–5 December 2014. Krasnoyarsk: Rezonans. pp. 188–192. (In Russian).
6. Thautcher, I.D. (ed.) (2005) *Late Imperial Russia: Problems and Prospects: essays by honour of R.B. McKean*. Manchester: Manchester University Press.
7. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 3. File 119. (In Russian).
8. Anon. (1915) *Spisok obshchego sostava chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov. Ispravlen po 1 iyulya 1915 g.* [The list of ranks of the overall composition of the Separate Corps of Gendarmes. Amended on July 1, 1915]. Petersburg: Tip. Otdel'nogo korpusa zhandarmov.
9. Khandorin, V. (2015) Gosudarstvennaya okhrana admirala Kolchaka [State Guard of Admiral Kolchak]. *Rodina*. 1. pp. 60–62.
10. Peregodova, Z.I. (ed.) (2004) *“Okhranka”: vospominaniya rukovoditeley okhrannykh otdeleniy: v 2 t.* [“The Security Service”: memories of heads of security departments: in 2 vols]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Izmozik, V.S. (2002) *Zhandarmy Rossii. Politicheskii rozysk v Rossii. XV–XX v.* [The gendarmes of Russia. Political search in Russia. 15th–20th centuries]. St. Petersburg: Izd. dom “Neva”; Moscow: OLMA-PRESS.
12. Daly, J. (2014) An Impossible Dream Becomes Reality: A.I. Spiridovich and the Personal Security of Nicolas II. *The Historian*. 1. pp. 50–71.
13. *Russkoe slovo*. (1912) 1 February.
14. Russian State Library. (1914) *Prikazy po Otdel'nomu korpusu zhandarmov. 1914 g. Prikaz ot 20 yanvarya 1914 g. № 21* [Orders for the Special Corps of Gendarmes. 1914. Order of January 20, 1914 no. 21]. St. Petersburg.
15. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 2. File 105. (In Russian).
16. *Sibirskaya zhizn'*. (1916). 3 May.
17. *Sibirskaya zhizn'*. (1916). 7 May.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 316 (1916). File 245. Pt. 25. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 316 (1915 g.). File 1. Pt. 25–D. (In Russian).
20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 1. File 21. (In Russian).
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 830. List 1. File 28. (In Russian).
22. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 2. File 98. (In Russian).
23. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 3. File 147. (In Russian).
24. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 2. File 110. (In Russian).
25. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 1. File 28. (In Russian).
26. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 1. File 283. (In Russian).
27. Fel'shtinskiy, Yu.G. (ed.) (1999) *Byl li Stalin agentom Okhranki? Sbornik statey, materialov i dokumentov* [Collection of articles, materials and documents]. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.

28. Razgon, I.M. & Goryushkin, L.M. (eds) (1987) *Oktyabr' v Sibiri. Khronika sobytiy* [October in Siberia. A chronicle of events]. Novosibirsk: Nauka.
29. *Sibirskaya zhizn'*. (1917). 16 March.
30. Kirmel', N.S. (2013) *Spetsssluzhby Belogo dvizheniya. 1918–1922. Kontrrazvedka* [Special forces of the White movement. 1918–1922. Counterintelligence]. Moscow: Veche.
31. Simonov, D.G. (2001) K voprosu o voennom stroitel'stve v tylovykh okrugakh kolchakovskoy armii [On military construction in the rear districts of Kolchak's army]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii. Problemy istorii: Bakhrushinskie chteniya 2001 g.* [The civil war in the east of Russia. Problems of history: 2001 Bakhrushin Readings]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
32. Golub, P.A. (2003) V tyur'makh i kontslageryakh "Kolchakii" [In the prisons and concentration camps of the "Kolchak lands"]. *Dialog*. 8. pp. 61–71.
33. Volkov, S.I. (ed.) (2005) *Belaya emigratsiya v Kitae i Mongolii* [White emigration in China and Mongolia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
34. Main archival department of the NKVD of the USSR. (1940) *Spravochnik-spisok ofiterskogo i ryadovogo sostava, zhandarmskikh upravleniy, okhrannykh otdeleniy, agentov okhrannoy agentury dvortsovogo komendanta i chinov Departamenta politsii MVD tsarskoy Rossii* [Reference-list of officers and personnel, gendarmeries, security departments, security agents of the palace commandant and officials of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of Tsarist Russia]. Moscow: Glavnoe arkhivnoe upravlenie NKVD SSSR.

Received: 28 October 2015